

Гульчера Быкова

Рассказы из книги «Берега моей реки»

КРЁСТНАЯ

Она жила через несколько дворов от их дома — моложавая женщина средних лет, ладная, слегка полноватая, пышногрудая, стремительная в движениях и походке. Русые волосы, собранные на затылке, обрамляли чистый высокий лоб, пушистыми завитками покрывали нежную полноватую шею. А как хороши, как бездонны были её зелёные глаза, полные губы и тёплые мягкие руки!

Он был совсем маленьким и не помнил, как его крестили. И потому ему казалось, что крёстная была всегда, как мама, как отец и братья, как бабушка, дворовый пёс Дезик, как колодец с ледяной водой, синее небо, ржаное поле за селом или как убегающая в хлеба просёлочная дорога. Мальчонка всегда ждал крёстную с нетерпением. И вовсе не потому, что она приносила сладкие гостинцы, книжку с картинками или забавную игрушку. Всякий раз она наклонялась к нему, подхватывая тёплыми руками, и усаживала на колени. Горячая волна накрывала его с головы до ног, а маленькое сердце, как котёнок, замирало и стремительно летело куда-то вниз. Голова слегка кружилась, и было так славно, так уютно

сидеть на коленях у крёстной. От неё всегда, даже зимой, пахло свежими, только что с грядки, огурцами, и ещё фиалками, что в изобилии росли около дома. Днём их и не видать за другими цветами, зато ночью...

Она часто забирала его в чистый уютный дом, где жила после смерти мужа. Читала крестнику сказки, показывала фотографии в альбоме. Там она была ещё прелестнее, ещё загадочнее и притягательнее. Укладывая спать, крёстная обнимала малыша, целовала в лоб, щёки, шею, гладила по волосам. Нерастраченное материнское чувство (сын умер в младенчестве) нашло выход в крестнике, которого она любила самозабвенно, как могут любить бесхитростные деревенские женщины, для которых любовь, жалость и верность — всё едино.

Он хорошо помнит, что в первый класс провожала его она, крёстная. А вот была ли при этом мать — всякий раз, сколько ни напрягался, не мог вспомнить... Да и немудрено: кроме него, у матери было пятеро. Задавленная работой в колхозе да большой семьёй, она едва поспевала с делами — сколько белья приходилось перестирывать, шить, перешивать, штопать, латать, стряпать, варить, перемывать посуду, заготавливать впрок, управляться с коровой, овцами, домашней птицей. А у крёстной он был один-разъединственный — любимый и желанный.

Во все времена люди пытались выразить своё представление о счастье. К нему как-то сама собой пришла уверенность, что счастье — это когда тебя любят так просто и тепло, как любила его крёстная. А он любил её. И в этом таилась опасность: грань между духовным и телесным слишком тонка и может сыграть с человеком злую шутку.

...Первый раз он уехал так далеко от дома — в пионерский лагерь. Привыкший к деревенскому простору и тишине, мальчишка тяжело переживал разлуку с родными. Среди шумливых сверстников было ему одиноко и неприкаянно. Ночами снилось поле спящей

ржи, синее небо с облаками, как сливки под маминым сепаратором, светлеющая в сумерках дорога... И всё чудилось, что крёстная рядом: то и дело обдавало его знакомым теплом и тонким фиалковым запахом.

Она приехала на маленькую станцию задолго до прихода поезда, на котором крестник возвращался из лагеря. Тревожно вглядывалась в убегающие полосы рельсов. И вот вдалеке появился тепловоз, а за ним зелёные бока глазастых вагонов-замарашек. Он увидел её сразу — лихорадочно скользкую глазами по окнам поезда. А сам уже летел-бежал к ней, подхваченный тугой струёй упругого воздуха. Она, повернувшись и охнув, подхватила крестника на руки, накрыв родным теплом, огуречным ароматом, запахом домашнего хлеба... Он с разбегу прильнул к ней. И вдруг произошло то, что рано или поздно случается с каждым мужчиной, — стремительная волна пробежала по телу, сковав его такой пронзительно-сладкой истомой, что он на минуту потерял сознание. Она, простая душа, и не поняла, что произошло, испугавшись насмерть случившегося обморока.

Это было самое сильное и много раз желаемое позднее ощущение, которое он нежданно познал, мучительно и безуспешно пытался потом пережить, испытать нечто подобное... Это было как наваждение, как незатихающая телесная жажда, навязчивое и недосыгаемое желание...

Через три месяца крёстная заболела: сушила, перелопачивая, пшеницу на зерновом дворе, где сплошь и рядом сквозняки, простыла и слегла. А когда приснились покойные сыночек с мужем, что звали-манили её к себе, догадалась, что пришёл её последний час. Позвали председателя сельсовета, она с трудом продиктовала завещание — дом, скотину, все сбережения отписала крестнику. Просила исповедать и причастить, на что глава местной власти руками развёл: попов давным-давно разогнали, найди их теперь. Она попросила у всех прощения, и у крестника тоже, будто чувствуя

свою нечаянную вину перед ним... И закатилось его солнышко, не стало заступницы и молитвенницы на этой грешной земле, где все куда-то спешат и никому нет дела до ближнего своего.

В армии он тосковал о своей маленькой, затерявшейся в полях и перелесках деревеньке на берегу быстрой речки. Иной раз снились заливные луга, где сельчане косили сено, а в озёрцах под кочками прятались карасы, которых пацаном выхватывал руками. Видел полевую дорогу среди жёлтой ржи. Малышом он не боялся убежать по ней за перепёлками. И тогда мелькали по обе стороны синие васильки и островки незабудок, как осколки неба в зелёной траве. Осенью полыхала багрянцем по берегам калина, ей вторила рябина у калитки. Любить и ценить эту неброскую красоту научила его крёстная, которая всегда любовалась цветущей или спелой калиной, сизой голубикой, алыми ягодами шиповника, янтарными ветками облепихи, чудными рябиновыми кистями.

Она любила туман над рекой, полевые цветы на лугах и алые зори. Бывало, опрокинутся с горы санки, набьёт он себе синяков да шишек, а крёстная водит безымянным пальцем по больному месту и шепчет: «Заря-зарница, красная девица, помогала людям, помоги и рабу божьему Владимиру!» — или: «Утренняя заря Мария, вечерняя заря Мавривьяновна, ночная заря Макаридушка, как вы потухаете-поблекаете, утренние, вечерние и полуночные, так пусть потухнут, поблёкнут с раба Божьего Владимира все укоруы и призоры, хитки и притки, синяки и ушибы». И боль затихала, а синяки истаивали и исчезали.

А ещё она любила читать вслух Библию, пристрастила и его к слушанию вечной Книги: «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце. Если человек проживёт и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях тёмных, которых будет много: всё, что будет, суета! Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твоё радости во дни юности твоей, и ходи по путям

сердца твоего и по видению очей твоих; только за всё это Бог приведёт тебя на суд. И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего...»

В армии он тосковал о прежней жизни, в которой крёстная была ещё живой и красивой. Вопреки здравому смыслу, ждал от неё писем, мечтал, что она приедет к нему в часть повидаться. Когда наваждение становилось невыносимым, он вспоминал могильный холмик под берёзой, где схоронили её односельчане и куда он приходил посидеть, погрузиться, излить душу.

О том, что она оберегает его, он знал, догадывался, но никому не говорил. Когда их вывезли на стрельбище, где в полевых условиях предстояло пройти курс молодого бойца, у солдат начались проблемы с желудком. Медицинской помощи у санинструктора — одна таблетка: и «от головы», и «от живота». Новобранцы быстро теряли мышечную массу, с трудом пересиливали слабость. И то ли во сне, то ли наяву, подошла к нему крёстная с травой-кровохлёбкой в руках, положила охапку к ногам и, повернувшись, растаяла в тумане, будто показала нужное снадобье.

Он очнулся и вспомнил, как перед Троицей они собирали с ней лечебные травы. Она рассказывала ему о валериане, о чабреце, что люди зовут богородичной травкой, о золотом корне, о подмареннике и кровохлёбке, об их целебных свойствах. Пересилив слабость, взял штыковую лопату, накопал крово-хлёбки, вымыл корни в ручье и, улучив момент, положил в котёл с чаем. Вся рота пила душистый чай, ни о чём не догадываясь. В другой раз, подсушив подмаренник, снова сунул животворное снадобье в чайный котёл. Несколько кружек целебного напитка сотворили чудо: солдаты пошли на поправку, хворь как рукой сняло.

В армейских буднях прошёл первый год службы. Он привык к чужому месту, меньше скучал по дому, поправился, возмужал. Притупилась и боль утраты. Но не зря говорят, что любимый человек

не бывает отсутствующим. Он не забывал крёстную. Перед сном, в полудрёме, всякий раз вспоминал что-нибудь из детства. Крёстная будто ждала, когда закончится хлопотный армейский день, они останутся наедине, и тогда приходила в воспоминаниях, согревая душу, принося покой и тихую благодать.

Однажды ночью, на посту, у него вдруг заныло-заболело в боку, а потом сковало такой острой болью, что трудно было не то что крикнуть и позвать на помощь — стало невозможно вдохнуть. Вокруг ни души — проверяющий только что прошёл дальше, к другому посту. А с ним остались ночь, небо, мороз, склады, заснеженные поле и лес. Это конец: до караульного помещения не добраться, подать сигнал другому часовому нет сил от боли. Превозмогая приступ, медленно, через силу, он сполз по жёсткому сугробу. Равнодушно и бесстрастно сияла над ним звёздная бездна. Отыскал глазами Млечный Путь, потом Большую Медведицу, Стожары. Нестерпимая резь в боку стала затихать, наступал болевой шок — страх сменился тупым безразличием. Он не удивился, что крёстная рядом, поправляет ушанку, поднимает его и легко, как в детстве, несёт куда-то. Он успокоился и закрыл глаза.

Очнулся в госпитале. Бок болит, но терпимо: удалили аппендикс. Удивление пришло позже: никто из сослуживцев, и проверяющий тоже, не могли объяснить, как он оказался в караульном помещении в ту ночь. «Да сам и приполз, инстинкт самосохранения сработал, а что запомнил, — так при такой боли и мать родную, как звали, забудешь», — успокаивали его солдаты. Но он хорошо помнил, что с наступлением приступа не мог вдохнуть или пошевелиться, не то что передвигаться. Кто спас его от неминуемой смерти?

Всё без исключения — хорошее или плохое — рано или поздно заканчивается. Приходили на память слова из Екклесиаста, которые крёстная перечитывала чаще других: «Восходит солнце, и заходит

солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои. Всеми своё время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное; время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать; время обнимать и время уклоняться от объятий; время любить и время ненавидеть...»

Незаметно подошла к концу казарменная жизнь, где было не только плохое, но и хорошее — житейские проблемы в армии за него решали отцы-командиры, а солдат заботы о хлебе насущном обходили стороной: казарма спасала от «шоковой терапии», которой в то время подвергалась «гражданка». Личного состава в части в последние годы хронически не хватало, и его задержали почти на год сверх положенного по призыву.

Уезжал из одной деревни, а вернулся в другую: столь разительные перемены претерпела и его родная сторона, и вся матушка-Россия. Постаревший отец разводил руками: всегда так было — полмира скачет, полмира плачет; одни жалуются, что суп жидкий, а другие — что жемчуг мелкий. Кому-то перестройка пришлась по душе и по карману. Как опята на гнилом пне или шампиньоны на навозе, появлялись «новые русские», а простой люд, ловко и не раз ограбленный кем ни попадя, быстро нищал и опускался за черту бедности.

С первых дней на «гражданке» в голове, как заноза, звучал навязчивый мотив детской песенки: «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь»... Деревня словно вымерла, обветшала и враз состарилась: одни старушки на улицах попадаются. Зерновой двор обветшал, на техплощадке — разбитые комбайны, жатки и допотопные косилки. Ремонтные мастерские, свиноферму и даже клуб сами же сельчане растащили на свои нужды.

— Из одноклассников только Людка Казначеева, Генка Иванов да ещё Софка Кымгалова остались, — угадывала вопросы сына подвижная смышлёная мать.

— А про Витьку забыла? Лесничий он и штатный охотник, — вставил слово молчаливый отец.

— Ну да, и Витька здесь, забыла совсем. Людка завстоловой работает, а Генка в леспромхозе сосны валит, поженились они. Софья на учительницу начальных классов выучилась, — говорила мать, подкладывая то сыну, то мужу прямо со сковородки заварные блины, что приятно таяли во рту. Отец изредка наливал в лафитники самогонку и похрустывал рыжиками да огурчиками из студёного погреба. Молчал, хмурился каким-то своим мыслям, вздыхал...

— Маринка Корнеева на рыбнадзора выучилась, в начальниках теперь ходит. Да только не бабье это дело — за мужиками-то по ночам шастать, неровен час подстрелят, а то и утопят. Вспомни Умрихина-старшего, а Воропаева... Скольких на тот свет отправили? Есть-то всем надо, вот и браконьерничает каждый второй. И себе на всю зиму провиант, и на продажу приезжим. Почитай, вся деревня без работы. Помнишь Виталия Степаныча? Царствие ему небесное: умер от водки. Маринка тоже в рюмку заглядывает для сугреву: помыкайся-ка по реке туда-сюда. Да и в личной жизни девке не везёт. Одноклассник-то ваш, Юрка Игнатов, садист чёртов, бил её нещадно. Наматает косу на руку и тягает её, пьяную, по двору, а то в канаву за ворота выбросит.

Боже праведный! — молча ужасался он. Неужели это по ней вздыхал он в восьмом классе? Тогда она отвергла его, увлеклась приехавшим студентом-практикантом, а потом, что называется, девку понесло...

Пока блин зарумянивался с одного боку, мать умудрялась нырнуть в кладовку или в погребок, поднося к столу то летней кетинки особого, сёмужьего посола, то мочёной клюквы, то солёной

черемши, подкладывала в тарелки дымящуюся толчёнку, какой нигде он больше не едал: картошка вперемешку с красной толчёной рыбой, щедро приправленная салом и луком.

...Да-а, в деревне оставаться — себе дороже. Надо в город подаваться, там хоть работу найти можно. Предприимчивая мать нашёптывала: дом-то крёстной ещё прошлый год продали, а скотину и того раньше. Вырученные деньги и её сбережения на твоё имя перевели. Проценты, поди, набежали за три года-то? Может, комнату в коммуналке купишь? Главное — была бы прописка. Её получить не проблема, когда жильё своё есть.

На дебаркадер Владимира провожал отец: мать осталась дома — боялась расплакаться прилюдно, а братья — кто на покосе, кто в отъезде.

Махнул в большой город к сослуживцу. Уж больно тот соблазнительно, больше от тоски по дому, описывал родные места: от Москвы — всего-то ночь езды на поезде, а солнце — ну прямо тебе Сочи. И сады кругом. Спишь, а спелые абрикосы по крыше — стук, стук... А уж сладкие, душистые — чисто мёд, во рту тают. Яблоки нападают за ночь — не знаешь куда ступить.

Крёстных денег хватило и на первое время, пока переучивался на категорию (в армии шоферил), и на домик с садом; кое-что из одежды прикупил. И после смерти она поддерживала и оберегала крестника.

Устроился в автоколонну, стал дальнобойщиком, хорошие заработки по-шли. Долго холостяковал, перебирал женщин — одна другой лучше, а всё не то, ни к душе, ни к телу. Примечал, что нравились, возбуждали женщины старше его и хоть чем-то, хоть отдалённо, лицом ли, фигурой, походкой ли, а то просто жестом напоминавшие крёстную.

Приезжали отец с матерью, дивились, что до сих пор ни жены, ни детей, а всё при нём: и ростом Бог не обидел, и с лица хоть воду пей, и

дом с садом — не надо лучше. Он разводил руками, отшучивался: невеста не выросла, дурное дело нехитрое, какие его годы... А они пролетали, пронеслись, как леса и поля, как манящие огни чужих городов за окном его трудяги-автомобиля.

Женился неожиданно для себя и друзей, с бухты-барахты, не по любви и не по расчёту. Ехал по трассе, ещё издали увидел одинокую фигурку, и что-то вдруг ёкнуло, защемило в груди. Вспомнился перрон на маленьком полустанке, и такой же силуэт в ожидании и тревоге, и он бегущий... Попутчица в самом деле чем-то напоминала крёстную на фотографиях из альбома. И шалая надежда закралась в душу — а вдруг судьба? Может, эта девчонка и возродит к жизни, зажжёт в крови и утолит желание, что вспыхнуло и опалило в далёком отрочестве.

Не зажгла. Не утолила... Лишь распалила подспудно дремлющие грёзы молодого горячего тела. Обманутая надежда злила, раздражала сильнее прежнего, маетно скорбела душа. Родился сын. Казалось, появился смысл, ради чего стоило наматывать километры по нелёгким российским дорогам. Часто замечал, что после дальнего рейса домой не тянуло: неловко было видеть глаза нелюбимой, кроткой, услужливой жены, не рад был и сыну.

А тут ещё взяли моду задерживать зарплату. Но в тот день получили-таки сполна. Автоколонна выполняла правительственный заказ на перевозку кабеля, так что новенькие хрустящие пачки пришлось расталкивать по всем карманам. Зашли по такому случаю в кафе, с наслаждением пили охлаждённое пиво, лениво перебрасывались фразами. Все спешили домой — обрадовать родных и близких долгожданной зарплатой. А ему никуда не хотелось. Он заказал ещё кружку и привычно ощутил сладковатый привкус пены. Лёгкий хмель дурманил голову, путал мысли, успокаивал, вводил в лёгкий транс...

Но сиди не сиди, а идти надо... Он привычно вошёл в трамвай и устроился на жёсткой скамейке, вытянув ноги, и совсем было задремал — ехать через весь город. Вдруг его внимание привлекла приковала вошедшая на остановке женщина лет сорока пяти. Какая-то неведомая сила взорвалась у него внутри, встрепенулась дремавшая душа, дурманяще закружило голову.

Он зачарованно смотрел на вошедшую, разительно похожую на крёстную. Незнакомка шла по проходу — мягкая, женственная, пушистая, притягивая светлым лицом, глубокой зеленью глаз, свежестью полных губ, каким-то внутренним покоем и умиротворением. Вместе с ней накатывалась упругая, тёплая волна, которая и накрыла его с головой, как только женщина села на свободное место сзади. Наваждение усилилось, когда он вдруг ощутил неповторимый запах ночной фиалки и свежих огурцов, тонкий аромат майских лугов...

Трамвай тронулся. Алексей пытался прийти в себя, лихорадочно соображая, что предпринять, как поступить, чтобы продлить это нежданное очарование. На следующей остановке, лишь освободилось место, он как в бреду пересел рядом с ней. Им владело непреодолимое желание коснуться её руки. Из приличия выждал несколько секунд, сдерживая безумный порыв. Словно угадав его намерения, она отодвинулась ближе к окну и напряглась. Это испугало. «Она сейчас уйдёт, исчезнет...» Допотопный трамвай, всегда медлительный, теперь нёсся, как молодой необъезженный конь, безжалостно и неудержимо сокращая дарованные мгновения.

Через несколько остановок женщина встала. Он пропустил её, не смея задерживать. Она уходила. Вместе с ней исчезало сладкое предвкушение желанного и недостижимого наслаждения. Он с ужасом смотрел вслед. Трамвай вот-вот тронется... Он опрометью кинулся к выходу, проталкиваясь в толпе возмущённых пассажиров. На ходу выскочил на раскалённую от солнца привокзальную площадь.

Мгновенно отыскав глазами её желтое, в крупных подсолнухах платье, стремительно догнал и тронул за локоть. Обернувшись и узнав его, женщина испугалась:

— Что вам надо? Оставьте меня в покое!

Её милые щеки заалели румянцем, а глаза запылали зеленью, став ещё притягательнее. Он опять провалился в её магическое облако и стал беспомощно тонуть в нём.

— Не уходите, выслушайте меня, прошу вас!

В его глазах было столько мольбы и безнадёжности, что женщина невольно приостановилась:

— Хорошо, я слушаю вас.

— Прямо здесь?

— А где ж ещё?

Многолюдная площадь невольно успокаивала: здесь этот маньяк не посмеет её обидеть. Вот и торговцев сколько вокруг, водителей такси, а вон и милиционер. Угадав её мысли, он взмолился:

— Я не маньяк, не преступник, я... Я сейчас всё объясню, вы только выслушайте... Может, мы всё-таки отойдём в сторонку?

— Хорошо, давайте отойдём, — согласилась она и направилась к торговым палаткам на краю площади. Он покорно последовал за ней. Но и здесь было слишком много прохожих, бесцеремонно разглядывавших испуганную женщину и растерянного, взволнованного парня. Он понял, что в такой суете ничего не сможет объяснить, она испугается и уйдёт или позовёт на помощь. Напряжение было так велико, что он неожиданно заплакал — тихо, горько и безысходно. Она растерялась.

— Ну что вы, такой большой, такой сильный... — и прикоснулась к его плечу. — Успокойтесь, мне некуда торопиться: я здесь в командировке. И выслушаю вас.

Ободренный тёплыми словами, он отчаянно предложил:

— Давайте поужинаем в ближайшем ресторанчике, только не в вокзальном, конечно. Посидим спокойно, поговорим. Там ведь тоже люди, в любую минуту вы можете обратиться к ним за помощью. Верно?

«В самом деле, что я теряю? Поужинаю, ведь целый день на бутербродах. До ночи ещё далеко, кругом люди, мне ничто не угрожает», — рассудила она.

— Хорошо. Я согласна.

Он кинулся к цветочнице, выхватил у неё из ведра все розы и, отмахиваясь от сдачи, бросился назад, боясь, что незнакомка воспользуется моментом и растворится в толпе. Торговки цветами наперебой предлагали алые, жёлтые, бордовые, белые розы. Он, не отрывая от неё глаз, загребал руками всё, что они подавали, и складывал к её ногам, потому что в руках у неё уже был огромный белый букет.

— Не уходи, побудь со мной! — как безумный шептал он, любуясь ею. Любопытные беззастенчиво комментировали:

— Посмотри, посмотри, она ж старше его... И ростом невеличка...

— И что он в ней нашёл?...

— А сам-то какой красавец! Мне б такого...

— Тоже мне парочка — гусь да гагарочка, — произнёс кто-то совсем рядом с издёвкой.

Ситуация становилась более чем щепетильной.

— Возьмите такси, поедем отсюда, — попросил он. — Выберите водителя сама, а то подумаете, что я всё заранее разыграл.

«Он угадывает мои мысли», — отметила она и помахала рукой:

— Эй, такси, такси!..

Пожилой водитель, наблюдавший за ними, откликнулся на просьбу. Расторопно укладывал рядом с ней на сиденье роскошные

охапки роз, понимающе глядел на парня: мол, были когда-то и мы рысаками...

— Давай, дед, в самый лучший ресторан недалеко отсюда. И побыстрей. Каждая минута дорога. Гони...

Услужливые официанты быстро расставили вазы с цветами возле столика. Принесли фрукты, меню. И оркестр был тут же, готовый исполнить любое желание.

— Что ты хочешь послушать?

— Если можно, Вивальди.

Тихо заиграла музыка, тонко и печально солировала скрипка. А он, трепетно держа её тёплые мягкие руки и осыпая их нежными поцелуями, стал рассказывать то, что уже известно читателю.

— Останься со мной, — жарко шептал он. — Я куплю тебе квартиру, окружу роскошью, ты ни в чём не будешь нуждаться. Я исполню любое твоё желание. Мне не важно, кто ты, кем ты работаешь, сколько тебе лет... Важно, что ты есть, что существуешь реально, а не в моём воображении. Господи, а я уж начал думать, что схожу с ума, пропадаю, не живу, а маюсь. Что сделать, чтобы ты поверила? Вот, возьми, что у меня есть.

Он начал лихорадочно вынимать содержимое карманов и перекладывать ей в сумку.

— Не нужны мне ваши деньги. Я не могу принять их! Не могу, понимаете, остаться с вами!

Она тщетно пыталась что-то объяснить ему, развеять его напрасные надежды.

— Бери, не сомневайся. У меня ещё есть. Я заработаю. Я буду день и ночь работать. У тебя будет всё... Эх, через два дня я должен быть в рейсе, — вспомнил он вдруг. — Машину почти загрузили. Я не могу подвести всех, понимаешь? Послушай, а может, ты поедешь со мной? Посмотришь города — до Москвы и дальше, до Питера. Через семь дней — туда и обратно — мы будем на месте. А? В машине есть

всё — холодильник, продукты, газовая плитка, место для отдыха. Не поедешь? Не поедешь... Сюда-то боялась идти, а в дальнюю дорогу разве решишься? Возьми, возьми, вот ещё осталось, — доставал он хрустящие пачки из карманов. — Возьми и мою душу, и мою жизнь, только не уходи, не исчезай, побудь со мной... Я буду ждать тебя на площади, около театра, завтра или через семь дней, как вернусь из рейса, — говорил он лихорадочно, — а сам тонул и тонул в тёмной зелени её глаз.

Смеркалось. Она не позволила провожать себя до дома, где жила у родственников. Он послушно согласился, надеясь на скорую встречу. На обочине стояли другие торговки цветами. Он купил у них все розы и уложил на заднее сиденье. Машина тронулась, а он всё стоял и смотрел вслед своему обрётённому и вновь исчезающему счастью.

Она остановила такси за квартал до дома. Взяла с сиденья одну розу. И ушла не оглядываясь. На завтра у неё был билет в Домодедово, а оттуда — на самолёт через всю страну. Туда, где раньше всех восходит солнце и в полнеба горит-полыхает алая заря.

ТРУДНАЯ ДОРОГА К ДОМУ

На последнем курсе выяснилось, что у меня нет зачёта по педагогической практике: я не проходила её в Ташкентском университете, откуда потом перевелась в пединститут. Пришлось срочно ехать в маленькое село. Там я отработала учителем положенное время.

Долгожданному диплому об окончании вуза теперь ничто, кажется, не угрожает. Но как бы не так! Угроза есть и стремительно приближается. Виной тому не кто-нибудь — я сама. Это я захотела родить первенца, хотя муж предлагал не спешить. Я же упрямо рвалась к материнству — такова сила инстинкта.

Вернувшись домой после долгого отсутствия, нашла несколько открыток от врача. Следовало срочно явиться на приём.

— Куда вы пропали, мамочка? Что это такое? Мне нужен ребёнок или вам? — никак не могла успокоиться врачиха, когда я наконец появилась в кабинете.

— Пришлось педпрактику в сельской школе проходить. А то диплом не получу, — оправдывалась я.

— А вы его и так не получите. Когда у вас первый экзамен? Ну вот, а срок родов — раньше. Надо было хорошенько подумать: или ребёнок, или диплом. Здесь будете рожать?

— Нет, к маме поеду, на Сахалин. У меня ни пелёнок, ни распашонок, ни одеяльца. Всё мама готовит... И денег нет.

— Удивительно, как мама ещё не родит за вас, — не удержалась язвительная гинекологиня. — Перед отъездом заберите предродовую карту, а то вас не примут в роддом.

Что делать? В трудных случаях для поддержки духа вспоминаю слова Наполеона: «Признавать себя побеждённым до начала борьбы — значит быть побеждённым наполовину».

Однако на сей раз великий полководец не утешил. Так что же делать?.. Несколько дней промучилась в поисках ответа, а потом решила: а ничего не делать. Как Бог на душу положит. На всякий случай карту получу, а там — действовать по обстоятельствам, но не сдаваться до победного. Хотя бы один госэкзамен сдать, и то хорошо!

А госы, как и рождение первенца, стремительно приближались.

Стало трудно по шесть часов сидеть на лекциях, потом добираться к чёрту на кулички, в пригород, где у нас была крохотная

комнатка в коммунальной квартире на три семьи с общей кухней. Рядом, за тонкой стенкой, жил прапорщик — местный Кулибин, который всё время что-то изобретал — паял, крепил, стучал, а по ночам выходил в эфир с помощью самодельной радиостанции.

Жена звала его Ящечкой, он её — Томочкой. У молодожёнов был странный ребёнок: днём спал, а по ночам громко плакал. Сонная Томочка пыталась его уговорить, но младенец припускал ещё громче.

— Ящечка, возьми ты его Христа ради, покачай на руках, всё равно не спишь, — надрывно просила отчаявшаяся мама.

— Томочка, я занят, сейчас на связь выйдет Вологда. У меня всё по минутам расписано. Во-во — слышишь позывные?

— Господи, и за что мне такое наказание? — причитала Томочка. — Твои позывные мне вот уже где. Сейчас же возьми пацана! — повышала она голос. — Иначе завтра же уеду к маме, а ты хоть запиликайся на проклятом драндулете.

— Это не драндулет, — смертельно обижался изобретатель. — Это мощная радиостанция, и я собрал её своими руками. Она даже мыс Шпицбергена берёт! А вдруг я неземной сигнал приму, а?

Раздавалось потрескивание, шипение, хрипение, попискивание — и откуда-то с Памира или Тибета слышалась нерусская речь тамошнего Кулибина. Ящечка радостно приветствовал собрата. Но тут в коридор выходила окончательно вышедшая из себя соседка тётя Таня. Она кулаком стучала в дверь:

— Этот дурдом когда-нибудь кончится?

Таня была старше всех нас, работала в канцелярии военного училища. У неё был сын-подросток Валерка, которого она частенько поколачивала. Раз в неделю к ней приходил любовник — лысый начальник казарменной бани. Мы её боялись. Ящечка на самом захватывающем месте прерывал ответственную международную связь, отключал радиостанцию, брал орущего сынишку на руки, и наступала тишина.

Это была первая в нашей жизни «квартира», больше похожая на кладовку, где едва умещались выброшенная из казармы кровать, самодельный журнальный столик, небольшой стеллаж с книгами да ещё роскошное старомодное кресло — вещь редкая и потому не допускавшая никакой критики. В нём можно было отдохнуть, расслабиться. Сюда спешил при всяком удобном случае мой красавец муж.

Здесь, за шумным пыльным городом, был рай земной: чистый целебный воздух, настоящий на луговых травах да деревьях, ласково шумевших по сопкам. Летом они манили белыми маками, красными и жёлтыми саранками, радовали глаз пёстрым разнотравьем, а по осени под прошлогодними листьями прятались мохнатые молочные грузди...

Но вот наконец сданы текущие экзамены за выпускной курс. В деканате сказали, что у меня, у Ираиды и у Женьки могут быть красные дипломы. Правда, теперь всё будет зависеть от того, как каждая из нас преодолеет последние испытания.

У Женьки малышу два годика, она хорошо обеспечена, там мамки-няньки, так что в успешном окончании института она не сомневается. Уж кому завидовали у нас на филфаке, — так это Женьке. Она умница и добрая душа. Муж у неё красавец москвич. Не очень-то надеясь попасть в столичный вуз, он приехал сюда, к тётке, поступил на физико-математический, женился на обеспеченной и благополучной Женьке, жил себе припеваючи на средства её предприимчивой мамочки. Его поили, кормили и боготворили, как султана. Как-то само собой предполагалось, что после окончания института молодые с ребёнком уедут в Белокаменную. Наивные дочь и её мама спали и во сне видели, как хорошо, как славно заживёт Женька в семье столичного мужа-физика.

Позже, случайно встретившись с Женькой, я была потрясена её рассказом о том, как она голодала в доме московской свекрови, где

всё — шкафы, столы и даже хлебница — запиралось на замки. Деньги, которые присылала её щедрая мама, у Женьки тут же отбирали, так что она не могла купить себе даже чёрного хлеба. Окончательно отошав, теряя силы, продала соседке золотое обручальное кольцо и серьги с бриллиантами — подарок бабушки — и, прихватив истощённого малыша, без оглядки бежала из славной столицы в родной город. Постепенно пришла в себя, набрала прежний вес, но ещё долго при звуках песни о подмосковных вечерах у неё начиналось обильное слюновыделение, и она пулей неслась к холодильнику.

У Ираиды дела лучше всех! С семьёй пока не получается, зато папа — крупный чиновник областного масштаба. Её оставляют на кафедре, научная тема определена, руководитель есть. Состоятельные родители готовы помочь любимице дочке — так что аспирантура, дальнейшая карьера и безбедное существование гарантированы. Не случайно на нашем курсе Ираида была некоронованной моделью — около двух метров ростом, стройная, раскрепощённая, она неизменно демонстрировала шикарные, на зависть большинству девчонок, наряды. Не очень обаятельная из-за надменности, она, бывало, говаривала: «Не понимаю, как вы в общежитии можете жить да ещё чего-то там усваивать? А питаться? Я выхожу из института, а для меня уже пирожок на сковородке жарится, чтобы я его горяченьким съела. Полезно для здоровья только свежеприготовленное, есть надо или дома, или в ресторане». Мы с завистью слушали её.

У меня — всё «с точностью до наоборот». Мало обеспеченная, плохо одетая, не всегда сытая, зато желания учиться — хоть отбавляй. Я буду учиться дальше, хочу поехать в Москву, заниматься научными исследованиями! Хочу! Хочу! Но, как говорит моя мудрая мама: «Мечты Наполеона, а своды — Ивана-печника. Ты всё сразу хочешь — и замуж, и ребёнка, и в аспирантуру. Так, дорогая, не бывает. Замуж выйти — не напасть, вот как бы замужем не пропасть!»

Это точно — человек я стремительный, из тех, кто и жить торопится, и чувствовать спешит. И вот теперь, кажется, надо чем-то пожертвовать — приближается та самая ситуация, когда за двумя зайцами гнаться предстоит.

«Крепись, маленький, у нас всё будет хорошо», — мысленно говорю я тому, кто уже живёт и растёт во мне.

Японские медики утверждают, что ребёнок реагирует на голос матери уже на одиннадцатый день после зачатия. В это время он представляет собой трубочку с двумя разветвлениями — будущими надпочечниками, которые вырабатывают множество гормонов. Если зародышу хорошо, комфортно, если внешняя среда благоприятна — он выбрасывает в околоплодную жидкость положительные гормоны. Если мать в негативной обстановке (крик, шум, ругань, питание либо самочувствие плохое или она развлекается в шумной компании под тяжёлый рок) — эмбрион выделяет отрицательные гормоны. Поскольку зародыш отличает голос матери среди других голосов, японцы рекомендуют общаться с ним, разговаривать, чаще бывать на природе, слушать вместе с ним хорошую музыку, шелест листьев, шум ветра, журчание ручья, плеск волны, пение птиц.

Я и без японцев знаю, что мой малыш понимает меня с полуслова, а иначе и быть не может: ведь мы с ним — одно целое, он — часть меня. Сейчас у нас на двоих — одно сердце и один разум. Но хорошо, если мы — двоица, а не троица. Никак не ожидала, что мой тощенький живот может увеличиться до таких немислимых размеров.

— Ты, главное, не торопись, как твоя ненормальная мама, — говорила я первенцу. — Задержись там на недельку. Я понимаю, что жизнь у тебя — не мёд. Кому нравится в воде да ещё полусогнутым сидеть? Но давай сдадим экзамены. Их всего два, только два. А там мы с тобой — вольные птицы. И не слушай ты эту злую тётку в белом халате. Мы всё с тобой успеем, вот увидишь — и родимся, и диплом получим. Лучше бы, конечно, наоборот — сначала институт

закончить, а потом на свет появиться... Зачем диплом нужен? Ну, во-первых, моя мама, твоя бабушка, успокоится. Знал бы ты, как она мечтает, чтобы я институт закончила! Когда мы с твоим папой решили пожениться, она была категорически против: не верила, что доучусь до конца. И плакала. Я ей поклялась, что доучусь. А клятвы порядочные люди выполняют. Во-вторых, я сама очень хочу закончить институт. Я и дальше хочу учиться. Вот рожу тебя, ты подрастёшь, и я поеду в аспирантуру. А туда без диплома не берут. Теперь понимаешь, почему так важно сдать эти госы? И мы их сдадим. Запомни: «Желающего судьба ведёт, а не желающего — тащит».

Начались обзорные лекции. Вывесили расписание государственных экзаменов. Ну не везёт так не везёт: группа «А» сдаёт первой — на три дня раньше нас. Для меня теперь, как на фронте, счёт пошёл на часы. Мне нельзя ждать ни дня. Сердобольная деканша, со страхом и жалостью глядя на мой живот, закивала головой:

— Конечно, конечно, сдавайте с первой группой. Так вы говорите, у вас срок рожать? Может, всё-таки взять академический отпуск? Экзамены можно сдать и через год.

— Нет, буду сдавать со своим курсом. Я успею.

Решила идти отвечать первой и без подготовки: вдруг он надумает родиться как раз в это время? Если верить врачам, младенец уже должен появиться...

Председателем государственной комиссии в тот год был приветливый разговорчивый доцент, приехавший из другого института. Он задерживался в деканате, зная, что ещё по крайней мере час студенты будут готовиться. И поэтому я уже заканчивала отвечать, когда он пришёл. Поскольку он не слышал ответа, то начал задавать дополнительные вопросы. Один, другой, третий. Я охотно отвечала. Наши учёные дамы, предупреждённые сердобольной

деканшей, да и сами хорошо знавшие моё состояние, решились-таки прекратить экзекуцию.

— Думаю, вопросов достаточно. Мы услышали блестящий ответ, сказал кто-то из преподавателей.

— Да, — спохватился председатель комиссии. — Я удовлетворён. Вы свободны.

Надо было видеть его лицо, когда я не вышла — выкатилась из-за кафедры и направилась к двери. Тут только он понял, что я беременна. К тому же кто-то из женщин, видимо, шепнул о наступившем сроке.

Словно ошпаренный, он выскочил вслед за мной и стал извиняться:

— Простите, меня Бога ради, я не догадывался, что вы в таком положении... Мне было интересно вас слушать. Вы неординарно мыслите. И вопросы поэтому задавал. Простите. Как вы себя чувствуете?

— Отлично!

Я ликовала! Я обоняла и осязала, я праздновала победу! Один экзамен, да мой. Виват! Виктория! Прорвёмся!

На консультацию перед экзаменом по литературе не поехала: автобус был всегда переполнен, да и путь из дома в город неблизкий. Каждое утро выносила раскладушку за дом на траву, в тень старого вяза, и целыми днями готовилась к экзамену — дочитывала первоисточники, просматривала лекции. Специально читала вслух — пусть малыш слушает, какие великие писатели есть в России и какие замечательные произведения они написали!

Снова пошла не со своей группой — и снова первой. Сдала! Зашла в деканат, предупредила, что диплом получит муж. И прямо из института, не заезжая домой, — в аэропорт. Саша уже неделю был на стрельбах, тоже сдавал госы, поэтому надеяться было не на кого. Скорей к маме, на чудо-остров, который омывает с одной стороны Охотское море, с другой — Татарский пролив. Я там никогда не

была, так как родители и сами жили на Сахалине всего второй год. Понятно, что в моём положении предварительно брать билет было глупо. Я самонадеянно рассчитывала купить его в день вылета, прямо в аэропорту. Но, как выяснилось, меня там никто не ждал.

— Билетов нет, — коротко сказали мне в одной кассе.

— Надо было заранее думать, — упрекнули в другой.

Как же быть! Я должна улететь: денег в обрез, ни пелёнки, ни распашонки, оставаться здесь нельзя! Какая несправедливость! Главное препятствие — госэкзамены — я преодолела. А тут — никаких усилий не надо, отдай деньги, купи билет и лети себе... И вдруг билетов нет — и баста! Куда ж они подевались, чёрт возьми! Отдышавшись, я ринулась к начальнику аэропорта.

Секретарша испуганно замахала на меня крашеными ногтями:

— Что вы, что вы, туда нельзя.

— Нам можно, — твёрдо сказала я, делая логическое ударение на слове «нам» и покосилась на свой живот. — Все могут подождать, а мы (снова акцент) — нет. — И стремительно открыла дверь с позолоченной табличкой. На меня уставился немолодой начальник аэропорта.

— Понимаете, мне надо срочно улететь в Южно-Сахалинск, к маме. Вот моя предродовая карта. Помогите, пожалуйста. Есть же у вас какие-то резервные места в самолёте? На непредвиденный случай, — не давала я ему опомниться, хорошо зная, что лучшее средство обороны — это наступление.

Начальник оторопело смотрел в карту, потом на меня, потом снова опускал глаза, пытаясь хоть что-то понять.

— Я студентка, — втолковывала я ему. — Час назад сдала последний государственный экзамен. Понимаете, мне нельзя ждать ни минуты, мне срочно рожать.

— Так и рожайте себе на здоровье, — наконец-то пришёл в себя ошеломлённый начальник. — Рожайте, — что в городе нет роддомов?

— Мне нельзя в Благовещенске, мне на Сахалин, к маме надо! — Я захлюпала носом для пущей убедительности.

— Та-ак, а если вы, голубушка в самолёте разродитесь, кто за это отвечать будет?

— Клянусь вам, не разрожусь! Потерплю! Честное слово!

Мой собеседник, взглянув на меня, вдруг расхохотался. Смех прямо-таки душил его. Он пытался как-то сдерживаться, но стоило ему взглянуть на меня, как хохот снова накатывал на него.

Я не знала — радоваться его веселью или огорчаться. Не заплакать ли ещё раз? Надо же как-то его разжалобить.

Насилу начальник угомонился.

— Ты, небось, отличница? — спросил он.

— Да, — удивилась я. — А вы откуда знаете?

— Да уж такая настырная и находчивая не может плохо учиться. Ну и развеселила ты меня. Если твёрдо обещаешь не рожать в самолёте, — новый приступ смеха распирал его, — так и быть, полетишь. Ну что с тобой делать...

— Отправьте это чудо ближайшим самолётом, — сказал он вошедшей секретарше. — Предупредите дежурного, пусть лично посадит.

От радости не чуя под собой ног, я выкатилась из кабинета. Пока секретарша звонила в кассу, я, поправляя волосы, взглянула в висевшее на стене зеркало. Оттуда на меня смотрело глазастое, раскрасневшееся, с размазанной тушью и чёрными подтёками на щеках моё чучельное отражение. Вот уж в самом деле — чудо в перьях! Я даже не сразу сообразила, что это я. А потом настала моя очередь хохотать. Смеялась и секретарша.

Мне быстро дали билет, дежурный проводил до самого трапа. Стюардесса предупредительно помогала подняться. Всю дорогу она оказывала мне особые знаки внимания: предлагала минералку, сок,

даже фрукты. Беспокоилась, что не смогла пристегнуть на мне ремни безопасности при взлёте.

После всех треволнений нелёгкого дня я наконец расслабилась и крепко уснула. Это было кстати, так как я сильно покривила душой, когда клялась начальнику аэропорта, что мама живёт в Южно-Сахалинске. На самом деле от него ещё часов семь добираться поездом. Надо было хоть немного отдохнуть и набраться сил.

Самолёт заходил на посадку, когда я проснулась — бодрая, в хорошем расположении духа. Ведь я была почти у цели. Даже если роды начнутся в Южно-Сахалинске, уже не страшно. Маме нетрудно будет забрать меня отсюда.

Если бы стюардесса не попросила меня подождать, когда все выйдут, я бы вышла из самолёта первой. Почему-то всегда в поезд или в автобус, троллейбус стараюсь сесть первой и так же выхожу — терпеть не могу томиться где-то в хвосте. А тут опрометчиво поверила этому ангелу неземному и терпеливо сидела, ожидая, когда опустеет салон.

«Ну, наконец и мне можно идти», — решила я, как вдруг у входа заметила двух мужчин в белых халатах. Они направлялись прямо ко мне. Может, кто-то в салоне нуждается в медицинской помощи? Оглянулась — никого, кроме меня.

«Ну, попалась как кур во щи», — только и успела подумать.

— Мы за вами. Нам позвонили из Благовещенского аэропорта. Вам плохо?

— Нет, мне очень хорошо! Я ни в чём не нуждаюсь. Мне надо на вокзал, чтобы поездом уехать к маме, — говорила я, спускаясь по трапу, около которого уже стояла машина «Скорой помощи». — Вы меня с кем-то спутали, — пыталась я выкрутиться. — Никуда я не поеду. Отпустите меня. Но сильные руки эскулапов уже настойчиво подсаживали меня в салон машины.

Когда ехали по улицам незнакомого города, я снова пыталась уговорить врача (другой сел в кабину) отпустить меня подброду-поздорову, клялась родить только по приезде к маме. На этот раз трюк не удался. Осознав это, я замолчала и решила действовать по обстоятельствам. Но что сбегу — решила твёрдо. Вскоре машина притормозила возле большого больничного здания. Врач, сидевший в кабине, удалился, а мой провожатый помог мне выбраться из салона и подошёл к шофёру с каким-то своим делом.

А я тем временем — бочком-бочком вдоль «санитарки», а там перебежками — к толстому вязу. Стою, прислушиваюсь, осматриваюсь. Надо бежать в противоположную от машины сторону, так как водитель и врач за ней, значит, я пока вне поля их зрения. Я скрылась за кустами сирени, а там — тропинка в траве. Значит, она ведёт к лазу в заборе. Точно, приличный проём, сразу видно, что даже я не застряну. Хорошо, что врачи не догадались забрать у меня документы ещё около самолёта. Остаётся немного пройти до шоссе. Трудновато в моём положении бежать, но отдыхать нельзя — время дорого.

На шоссе выбралась почти ползком, цепляясь за кусты, корни, траву. Уж очень крутым оказался подъём к дороге. Интересно, змеи на Сахалине водятся? Лучше об этом не думать. Какие же здесь лопухи огромные, не видывала таких! А это, наверно, бамбук? Ну конечно, бамбук: не на картинке или по телевизору — настоящий. Так вот ты какой красавец! Хорош! Трава — с меня ростом. Свежая, яркая, словно умытая. Ну вот, вымокла вся. Кто теперь такую мокрую курицу в машину пустит? Постоять бы на ветерке, обсохнуть, да времени — в обрез: на поезд надо успеть.

Водитель, притормозивший старенький «Запорожец», сказал, что поезд, скорее всего, ушёл.

— Хотя, может, я путаю. Если по летнему расписанию, то тогда через час.

Я наслаждалась покоем после трудного побега и во все глаза глядела по сторонам. Пейзаж не материковый — сопки вокруг, и туман курится в ложбинах. Во всём чувствуется близость моря. Какое оно, Охотское море? Суровое, наверно.

На вокзале царила суета.

— Вон поезд, под посадкой уже. Ты в кассу не ходи, не успеешь. Садись без билета, а там у проводника купишь, объяснишь, мол, опаздывала, — советовал сердобольный старичок шофёр.

Я понеслась к электричке. Никто меня не остановил, и я благополучно ввалилась в переполненный вагон. Пассажиры потеснились и нашли мне местечко.

— Это в сторону Чехова? — спохватилась я, когда за окном замелькали станционные здания.

— Туда, туда, милочка, — ответила разговорчивая старушка, хрустевшая свежим огурцом. И тут я вдруг почувствовала, что очень хочу пить. Надо потерпеть. На остановке куплю лимонад или минералку.

Но поезд всё мчался и мчался вдоль морского побережья. Одна, две минуты стоянки — и снова набирал ход. В вагоне стало свободнее, я пересела к окну. Какая красота! Куда ни глянь — морская даль, могучая, величественная, неукротимая. И кто этот первый глупец, сказавший, что «человек — царь природы»? Разве может человек хоть как-то повлиять на такую стихию? Хотя, впрочем, может: берега загажены мусором, вдоль небольших сел, вытянутых вдоль железной и автомобильной дорог, безобразные свалки. Вся Россия — большая помойка...

Я где-то читала, что привычка бросать мусор рядом с жилищем у русских людей неодолима, её никогда не вытравить, так глубоко она заложена в подсознании, став неотъемлемой чертой национального менталитета. И будто эта дурная привычка исторически обусловлена подсечным земледелием. Лесов на Руси было столько, что для

зерновых вырубили (подсекали) деляны, сжигали на них деревья с ветками и корой и сеяли, пока земля давала урожай. Рядом с таким полем строили временное жилище и мусор сваливали тут же. Зачем его прятать? Год-два — и придётся перебираться на новое место, а старое зарастёт, матушка-земля сама уберёт всё, зарубцует, покроет новой растительностью. Тогда понимали, что планета наша — живой самоочищающийся организм, но сейчас она уже не справляется с отбросами человеческой цивилизации.

Жажда становилась нестерпимой: ведь за окном плескались тонны, мегатонны воды. Я понимала, что она солёная, её нельзя пить, но само созерцание необозримой водной глади усиливало потребность пить. И вдруг на очередной остановке в вагон зашли две кореянки с корытом, полным крупной спелой клубники. Вот что утолит мою жажду! Они, отвечая то по-корейски, то по-русски, щедро одарили меня ягодой и не взяли протянутых денег:

— Ты ребёнка носишь, тебя сам Бог охраняет, ешь на здоровье!

Я с жадностью ела, точнее пила сочную алую ягоду. Это было божественное наслаждение!

Небольшое село, где поселились мои родители, находилось в нескольких километрах от города Чехова. «Вот здесь ты и появишься на свет, мой маленький. И всё у нас с тобой будет хорошо. Главное — старайся, помогай мне и себе, когда придёт твой час. Теперь можно родиться — мы дома».

Поезд остановился. Мой вагон оказался далеко от платформы, и надо было прыгать с нижней ступеньки на землю. Я посмотрела вниз. Я же разобьюсь... В страхе отпрянула от распахнутой двери. Ещё минута — и поезд помчится дальше. Мужчина, вышедший покурить в тамбур, всё понял, взял меня за руки и, перевесившись с нижней ступеньки, бережно опустил на землю. И тут же поезд тронулся. Сумку он выбросил уже на ходу. Действительно, Господь хранил меня в этой нелёгкой дороге.

Придя в себя от пережитого волнения, я огляделась вокруг. С моря дул свежий солоноватый ветер. Большие волны выносили на берег тысячи трепещущих серебристых рыбок. Они бились о мокрый песок и по скользящей волне устремлялись обратно в море. С криками кружили над пенной кромкой крупные белые чайки. На многие километры прибрежный песок сиял на солнце живым серебром. Такого зрелища мне не доводилось видеть никогда в жизни. Как я вскоре узнала, шёл ход морской мойвы, которую здешние жители называют «уёк».

Меня поразил цвет моря — громадные волны вдали были ультрамариновые, пронзительно-синие, чуть ближе — изумрудно-малахитовые. Накатываясь на рыжий берег, они становились тёмно-лазурными, затем серебристо-зелёными и наконец молочно-белыми, превращаясь в живое трепетное серебро.

Ориентируясь по номерам домов, я тихо подошла к калитке и, улыбаясь, смотрела, как родители суетились в небольшом дворике, заставленном бочками, вёдрами и ещё какими-то ёмкостями, доверху наполненными трепещущей мойвой. Вокруг дома цвели любимые мамой анютины глазки, нежно сиял голубой ленок, трепетали на ветру алые и белые петунии, пронзительно пахло ночной фиалкой. «Родительский дом, начало начал, ты в жизни моей надёжный причал» — как просто и мудро сказано.

Моё появление повергло обоих в шок. Они были уверены, что я уже родила, с нетерпением и тревогой ждали известия. Решили, что с детским приданым за мной и ребёнком отправится отчим. У мамы болели ноги, а в дороге нужен был помощник покрепче.

Вот уж, воистину — что имеем, не храним, а потерявши — плачем. Я поняла только после смерти мамы, что она была для меня крепкой стеной и молитвенной защитой. И всё, что я делала хорошего в своей жизни, было прежде всего ради неё, ради кроткой улыбки этой простой, мудрой, очень сильной женщины — коренной сибирячки,

добровольно ушедшей на фронт, принявшей на хрупкие девичьи плечи все тяготы войны.

Она прошла со своей ротой химической защиты по всей России до западных границ. Попутно с основной службой стирала раненым бельё, выполняла другую тяжёлую работу. Она редко и неохотно рассказывала о своих фронтовых годах и всегда говорила: «Если, не дай Бог, снова война, не рвись на неё. Война — не женское дело».

За неспешной семейной трапезой я рассказывала домочадцам, как сдавала без подготовки госы, боясь, что в любой момент могут начаться схватки, как сбежала в Южно-Сахалинске из больницы, как выбралась из вагона на станции. Прав был дядя Аким: мир не без добрых людей — помогли. Слава Богу, всё обошлось, ибо сказано: желającego судьба ведёт, а нежелающего — тащит.

ДЕД ПЕТЮНЯ И БРОКЕР

— Слышь, Саня, завтра маманя приезжает...

— Ну?

— Да она... это самое... погонит тебя...

— Может, пожалеет?

— Плохо ты её знаешь... Ума не приложу, что с тобой делать. Слушай, — нашёлся Василий, — а ты к Петру Иванычу, соседу нашему, подкати.

— Как это?

— Да очень просто. Он боббль. Старуха два года как померла. Сын в Афгане сгинул. Ни детей, ни родных, один как перст. А дом, скажу тебе... С нашим не сравнить. И, заметь, тоже под снос.

— Как это — под снос?

— Деревня! Карту купи! — засмеялся сослуживец. — Дом снесут, а старику и всем, кто с ним прописан, квартиру в многоэтажке дадут. С ванной, с отоплением, с газом. Красота! Петру Иванычу первому дадут — вот увидишь.

— За какие заслуги?

— Ты не смотри, что он старый сморчок и молодые его Петюней кличут. Это он сейчас такой — усох, облез... Он знаешь каким бравым был! Берлин брал. На Параде Победы немецкий штандарт к Мавзолею швырял. У него наград — как у нашей дворняги блох. Одних орденов — мать твою, скажу тебе... Красного Знамени, Красной Звезды, Славы третьей степени... Медаль «За отвагу»... Маманя и все дедки-бабки, соседи наши, его Петром Иванычем величают, даже кланяются при встрече.

Ушлый Саня приободрился. В город к армейскому другу Василию он приехал из родной деревни, куда вернулся после дембеля. Деревенька затерялась в лесистых сопках среди разбитых просёлочных дорог, непролазных в межсезонье, и была у него там одна перспектива — копать всю жизнь в земле.

С детства трудолюбивый и покладистый, после призыва Саня быстро усвоил главный армейский принцип: солдат спит — служба идёт. «Бери больше — бросай дальше» — эта байка не про него. Он-то быстро смикитил, что шофёрские корочки на халяву — ни в армии, ни на гражданке не помеха. Подал рапорт, потом ещё... А тут, на удачу, и распределение в учебку пришло. Выучился на водителя. Сначала на хлебозовке продукты по заставам развозил. Освоился — начпрода стал на «газике» раскатывать. Утром увозит его с женой на склады — и спит до обеда в машине под вязом. Выспится — едет на дамбу купаться. После обеда везёт начальника к любовнице, в санчасть. Любовь-морковь у них часа на три, не меньше, а у Сани классика — послеобеденный сон.

За два года так наловчился дурака валять, что на родном подворье не захотелось спину гнуть. Избегая глядеть в глаза отцу и матери, мямлил про город, специальность, семью...

— Так в колхозе сколь техники! — недоумевал отец. — Хоть на комбайн, хоть на трактор, хоть на грузовик садись. Председатель давно про тебя спрашивает.

— Варька все глаза на наши окна проглядела, — вторила простодушная мать. — Чем не пара? Вы ж с детства дружили! Какая ещё семья заладится — любо-дорого!

Но Саня твёрдо нацелился в сторону большого города. И, отбыв, как положено дембелю, недели две у родителей, навострился к сослуживцу в областной центр. Уехал, как сбежал. С родителями не попрощался — мать ещё затемно ушла на дойку, отец заступил на сутки в кормоцех. Записку оставил: мол, не судите, рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше...

— А вот и Петюня. На ловца и зверь бежит! Это он за хлебом в магазин поковылял. Прибарахлись в военку — он любит солдат, — засуетился хитроватый Василий.

— Да в деревне у меня военка-то! — засокрушался Саня.

— Что ж ты так! — укорил дружок.

— А на кой она мне в городе?

— Возьми мою по такому случаю, — расщедрился товарищ. — Иди скорей в дом, она в моей комнате, в шкафу

— Слушай, ты не уходи. Дед же тебя знает? — заволновался Саня.

— Как облупленного, с детства, — успокоил Василий.

— Значит, и мне поверит, — бросил на ходу Саня.

— Резонно, — согласился товарищ, — Давай — мухой! А я покурю пока.

Прошло полчаса. Друзья, сидя на скамейке у калитки дома Василия, смотрели на возвращающегося старика. Тот часто

останавливался, опираясь на палку. Переждал, когда расходившееся сердце уgomонится, отпустит спину, отойдёт онемевшая рука — она после ранения на Висле так и не разгибается до конца.

— Чё замешкался? Действуй! — подтолкнул переодетого Саню бывший сослуживец. Тот кинулся к пожилому человеку.

— Давай, дедушка, помогу. Сумка-то, поди, тяжёлая?

— Чижёлая, мил человек. Мне теперь всё чижёлым кажется. Силы-то не те. Как из дырявого ведра силушка моя утекает. А ты чей, хлопец, будешь? Чтой-то не припомню.

— Это мой друг. Вместе служили, — вскинулся Василий.

Старик внимательно посмотрел на парня в солдатской форме. Глаза его потеплели, разгладились морщины на лице. Он протянул сумку и сказал:

— Однополчанин, стал быть? Дай-ка присяду, отдышусь малость. Ты торопишься, хлопец?

— Нет, — сказал Саня и помог трясущемуся старику сесть на скамейку рядом с Василием.

— Пенсию принесли. Скорей надо продохтов набрать... Да сховать куда... А то когда теперь дадут...

— А от кого прятать-то? Вы разве не один живёте? — удивился Василий.

— Живу-то один... Да только есть желающие пожить за чужой счёт, — горько сказал старик. Поник белой головой, ссутулился.

Друзья недоумённо переглянулись.

— А кто вас обижает?

— Есть такие. Жардеев, пьянь перекатная, с зятем... Оне вон за тем поворотом живут. Повадилась ко мне за деньгами. Аккурат, как пенсию принесут, вечером и заявляются. Перевернут всё — награды ищут.... Потом пенсию забирают — и поминай как звали. Что успею

купить, на том и держусь месяц. А ордена-то свои и сыновы я надёжно спрятал.

— Пётр Иванович, — угадал подходящий момент Василий, — возьмите на постой Саню, сослуживца моего. Он в обиду не даст. И по хозяйству подсобит — забор поправит, дров наколет... Мало ли?

— Взять-то можно, места полно. Да только с добром он али с худом? — старик тревожно всматривался в лицо незнакомцу.

— Ну что вы! — с готовностью подхватился Саня. — Да я... да чтоб мне счастья не видать! Чтоб пусто было, если обижу!

— Ну лады, паря. Пойдём, коли не шутишь... А про счастье-злосчастье до поры не зарекайся...

Друзья переглянулись, довольные смотринами. Саня подхватил сумку с продуктами, помог старику подняться со скамейки, и они двинулись к его дому. Вошли через покосившуюся калитку во двор, поднялись на крыльцо и оказались на просторной светлой веранде. В тёплое время года она служила хозяину летней кухней. Здесь стояла газовая плита, стол с деревянным шкафчиком для посуды над ним, пара табуреток и неширокая кушетка, где старик отдыхал в полдень. Иной раз и к вечеру прикладывался: слабость накатывала внезапно, ноги подкашивались, кружилась голова, и старик впадал в забытьё. На ночь он уходил в прохладный дом, запираясь на крепкий засов изнутри. Ставни в жару не открывал вовсе.

Обессилевший с дороги, Пётр Иванович едва добрался до кушетки и провалился в сон. Он не видел, как Саня зажёт газ, нашёл в углу ведро с картошкой. Открыл банку тушёнки — из половины сварил суп, а оставшуюся пустил на макароны по-флотски, предварительно обжарив с луком. Получилась вкуснятина. Вскипятил чай и присел на табурет. За окном отцветали, роняя лепестки, старые яблони. Некопанный огород затянуло мокрецом.

Он на цыпочках вышел на крыльцо, огляделся. Красота-то какая! Вон там, за сопками, его родная деревня. Но и здесь, на окраине

города, под сенью старых черёмух, — сельская тишина. Завернул за дом и оказался в саду. Он всё больше ощущал себя хозяином крепкого когда-то подворья. Работы здесь невпроворот, руки просятся за дело. Уложил свалившуюся на дорожку поленицу, поправил покосившуюся калитку, нарвал в палисаднике зелёных перьев батуна. Сходил на колонку за водой и с полными вёдрами поднялся на веранду. Старик проснулся, но продолжал лежать — приходил в себя.

— Садитесь, деда, обедать, — позвал гость. Налил в миски пахучего супа, припорошил его первой весенней зеленью, подогрел макароны и выложил на тарелки. Сели. Бледно-голубые, выцветшие глаза старика потептели. Он с аппетитом ел наваристый бульон, прикусывал то хлебом, то макаронами. Иссохшие руки словно просвечивались и слегка подрагивали.

— Вы ешьте хорошенько, а то откуда силам взяться? Ешьте да спите больше. А я всё сделаю. И огород вскопаю. Семена у Василия возьмём или из дома привезу.

— Откуда сам будешь? — спросил хозяин. Его всё ещё терзали сомнения, душа тревожилась, но он не стал к ней прислушиваться. Так намучился одиночеством, страхом и бессилием, которое невесть откуда накатывало.

— Из деревни я. Здесь недалеко, — ответил Саня. — Отслужил недавно. В армии шоферил... Не смог дома устроиться, пришлось в город прибиваться, — выдумал он на ходу и отвёл глаза.

— Да-а, совсем дело плохо, если в деревне-матушке работы не стало, — задумчиво произнёс старик. — Когда такое было?

— Нечего там делать, — не моргнув, солгал снова парень, вспомнив отца и мать, которые гнулись с темна до темна.

«Это хорошо, что деревенский, — подумал Пётр Иванович. — В селе люди порядочнее, добрее. Да есть ли у меня выбор? А он, глядишь, защитит, поможет... Сил-то совсем не стало...» Поразмышляв немного, произнёс:

— Ну что, хлопец, переезжай ко мне, а там видно будет...

— Да я... да я... — не находил слов обрадованный парень, — я платить за постой буду. Сколько скажете. И помогу... И защищу...

— Да не надо мне с тебя платы. Живи так. Места — эвон сколько...

— Деда, а прописаться у вас можно? А то ведь на работу без прописки не возьмут, — заюлил Саня, хотя уже работал и был временно прописан у Василия.

— Можно, отчего ж нельзя? — просто сказал старик.

Обрадованный, Саня метнулся к другу, собрал вещички, тем же разворотом вернулся обратно — и услышал на веранде голоса. Тихо поднялся на крыльцо, заглянул в приоткрытую дверь. Старик был не один. Рядом с ним на кушетке сидел патлатый мужик. Другой, помоложе, шарил рукой под клеёнкой, куда дед хоронил пенсию.

— Ну что — фиг с маслом? — спросил патлатый.

— Сховал чёрт старый куда-то...

Патлатый схватил старика за грудки, тряхнул его и заорал:

— Где пенсия, старый хрыч? Умыкнуть надумал?

— Да мы тебя в бараний рог согнём, герой ты наш, — хищно оскалился молодой.

Саня в три прыжка пересёк веранду и скрутил патлатого. Тот заблажил с перепугу:

— Кто такой? Вали его, Митяй!

Но крепкий Саня, не выпуская рук обидчика, откинул ногой подскочившего ворюгу. Тот взвыл и ломанулся к выходу.

— Запомни, козёл, — почти шёпотом сказал разъярённый Саня, — ещё раз увижу здесь, будешь иметь бледный вид и макаронную походку. Старика в обиду не дам. Он, сука, за нас с тобой с фашистами воевал, а ты его грабить?

Саня вытолкал перепуганного обидчика на крыльцо и пинком спустил со ступеней. Тот вскочил и, виляя по двору, как заяц, кинулся наутёк.

И в доме демобилизованного сержанта Петра Ивановича Воронцова жизнь пошла по-новому. С вечера Саня воды с колонки принесёт, печь в доме протопит, чтоб сыростью не пахло, обед на завтра приготовит. В полдень заезжает на грузовике перекусить. Пётр Иванович к этому времени всё разогреет, чай вскипятит. Садятся за стол.

Вечером истомившийся от одиночества старик ждёт Саню у калитки. Потом вместе копаются на огороде или в саду. Ужинают, телевизор смотрят, газеты листают. Хозяин рассказывает о войне, о сыне, о боевых товарищах. Саня слушает, не перебивает... Сомневается молча: неужели такое можно вынести? Да и было ли всё на самом деле, не байки ли?

Работал он в фирме, которая начала поставлять продукты из Китая. Привозил коробки с диковинной лапшой. Её и варить не надо: залил кипятком — и готово. Появились в доме пакеты и пачки с яркими наклейками. Из Поднебесной квартирант без гостинца для старика не возвращался. Пётр Иванович окреп, поправился, повеселел. Даже вроде как помолодел. На постояльца не нарадуется, привязался к парню, как к родному. Так и окликал его — сынок. Саня отзывался...

Между тем расторопность и предприимчивость бывшего армейца приглянулись начальнице. Она перевела его в контору менеджером по продажам. Дела у парня пошли в гору. В армии мечтал о мотоцикле «Урал», а теперь приобрёл подержанную «Тойоту». Поездил, покрасовался, потом продал и купил машину попрестижнее — джип «ЛэндКрузер». Стал крутым, преуспевающим, уверенным в себе. Пообтёрся на рынке. Понял, как шальное бабло рубить, то есть бабки из ничего делать. И на пару с Василием — чем они хуже? — открыл собственную брокерскую фирму. Бизнес у друзей процветал.

К родителям ездил редко. Варька такой красавицей стала! Однажды пошёл провожать... Дело молодое, горячее...

— Хорошо сеном пахнет, правда, Шурик? — прошептала девушка, прижимаясь к нему.

— Трава да и трава сухая... — полусонно отвечал он. — Почему не сказала, что я у тебя первый?

— Так я в школе в тебя влюбилась. Теперь ещё сильнее любить буду.

— Чудачка. Байки это всё — любовь. Сейчас сэкс в моде. И чтобы это... без последствий.

— Без чего? — не поняла девушка.

— Без киндеров. Ну без детей. Деревня, карту купи!

И захрапел, а Варька заплакала...

Ударили первые морозы. Запахло в деревне свежиной. В каждом подворье — вкусный праздник. Ждали Саню, да он не приехал. дела. Партнёры торопят, поставки увеличиваются. Решили мясо из Китая возить — там оно куда дешевле местного. А навару вдвое-втрое больше. Шальные деньги! Торговцев своих только поставить, чтобы привозное мясо за здешнее выдать. Поди отличи! Мясо — оно и в Африке мясо.

Идут по рынку с Василием и московским представителем, а в мясном ряду — его мать с Варькой стоят. Свиной торгуют. Саня отвернулся, сделал вид, что не узнал. Неудобно как-то перед столичным партнёром. Слышит вслед:

— Шурик, сыночек!

И головы не повернул. И в деревню — ни ногой. Не до того.

Минула снежная зима. Приехала как-то мать. Днём по магазинам да в китайские ряды сходила, прикупила приданое для новорождённого. Вечером к Петру Ивановичу явилась. Саня был дома не один — с долговязой накрашенной девицей в обтянутых джинсах и яркой кофте. А ногти — длинющие да синие, как у мертвячки.

Батюшки-светы! Как же это она с имя стирает да готовит? Но виду не подала. Улучила момент и зашептала:

— Шурик, а у нас внук.

— Откуда — от сырости?

— Так ведь Варенька родила сыночка. Вылитый ты.

— Ну что вы, мама, выдумываете? Желаемое за действительное выдаёте! — зашипел он, оглядываясь на дверь, куда вышла долговзая.

Утром мать уехала, не попрощавшись.

Перебирал Саня девок, пока с Зиной не встретился. Китайским худо-бедно владеет, на рынке как рыба в воде, знает, где купить подешевле да продать подороже. То, что сейчас надо!

— Переходи ко мне. Дед не против.

— Только не в деревяшку, — отвечала капризная Зина. — Доходягу твоего мне на дух не надо!

— А что? Дед Петюня нормальный старик. Орденосец. Мы с ним два года вместе.

— Фу, он старый, от него воняет, — морщила нос девица.

— С чего ты взяла? Аккуратный, чистоплотный. В баньке паримся каждую неделю. Одежду — его и свою — сам стираю в «Малютке».

— Фи, не терплю немощных! — стояла на своём девица.

— Привыкай. Через месяц дом сдадут — переедем в «двушку».

— Думаешь, я за ним ухаживать буду? Не дожётся. А что двухкомнатная — это хорошо придумано. Молодец!

— Как же быть? — совсем растерялся Саня.

— Поживём — увидим... Квартиру на тебя оформили?

— На меня. Старик распорядился. Ты мне теперь за сына, сказал.

И подписал все бумаги.

— Тогда всё окей! Живи проще, дыши глубже, и люди к тебе потянутся! — засмеялась довольная Зиночка и хитро сощурила накрашенные подслеповатые глазки. Она носила линзы.

— Какая ты умная, Зиночка! С тобой не пропадёшь! — восхитился Саня.

Глубокой осенью брокер с молодой женой переехал в новый дом. Обещал и Петра Ивановича забрать, как квартиру обставят и порядок наведут. И дед послушно ждал. Жизнь неумолимо уходила из него, как полая вода в сухой песок. Однажды утром не смог встать, растопить печь, сходить за водой. Закончились продукты. В доме стало невыносимо холодно. Теперь он ходил по дому в стёганом пальто, шапке-ушанке и валенках, в этом всё и спал, укрывшись двумя ватными одеялами. Обнаружили замерзающего рабочие, приехавшие разбирать дом. Старик скорчился под одеялами, прижимая к груди драгоценный свёрток.

— Ты откуда здесь, дед? Мы ж тебя под трактор чуть не пустили! Старик молчал.

— Что у него там? — заинтересовался подоспевший тракторист.

Развернули свёрток и ахнули: боевые ордена! Медалей куча — «За взятие Берлина», «За освобождение Праги»...

— Звони в военкомат! Наверняка его знают.

Позвонили в городской комиссариат. Там оперативно навели справки и назвали новый адрес героя-ветерана. Строители соорудили носилки и понесли беднягу в девятиэтажку. Из указанной квартиры на седьмом этаже гремела музыка. Здесь шумно праздновали новоселье. На стук вышла расфуфыренная Зиночка и замахала синими ногтями. Следом выскочил брокер. Сообразив, что это посланцы военкомата, быстро закрыл двери в зал и велел занести старика в спальню. От яркого света и гама гостей тот пришёл в себя. С трудом открыл глаза. Наклонившемуся над ним Сане прошептал:

— Сынок, я знал... Верил — ты придёшь. Пить...

— Давай живей! Гости ждут, — заторопил Саню захмелевший Василий. — Куда его? На кровать?

— Да ты что? Зина заругается!

Так, в пальто, ушанке и валенках, уложили старика на пол в узком проходе около батареи за двуспальной кроватью. И закрыли дверь.

— Он пить просил... — вспомнил Саня.

— Не маленький, потерпит, — отмахнулся Василий.

Новоселье продолжалось до утра. От тяжёлого рока и топота пьяных гостей многие в нашем доме не могли уснуть. Стучали по батарее, в стены, в дверь — бесполезно. Лихие соседи — новые русские — слышали только себя.

А сержанту Воронцову чудился бой. Где-то рядом гремела канонада, топали и кричали солдаты, рвавшиеся в атаку. А потом стало жарко. Нестерпимо хотелось пить. «Блиндаж, должно быть, горит, — решил сержант. — Надо пробираться к выходу». Собрав последние силы, пополз. Упёрся во что-то и позвал на помощь. Боевые товарищи где-то рядом, они помогут. Дадут воды, воды...

Утром в нашу дверь постучали:

— У вас труп? — спросила врач скорой помощи.

— Нет, что вы! У нас все живы-здоровы, — испуганно отвечала я.

— Это двадцать шестая квартира? — уточнил санитар.

— Нет, это рядом, — сказала соседка из квартиры напротив.

Вскоре вынесли на носилках старика в ушанке, стёганом пальто и валенках. Следом шла врач и возмущалась:

— Не могли раздеть пожилого человека! В квартире — жара двадцать пять градусов. Да ещё двери в комнату закрыли. Уморили несчастного!

Хоронили боевого сержанта Петра Ивановича Воронцова из ритуального зала. Почти до порога вытянулась вереница солдат, державших на красных подушечках боевые ордена умершего и его

сына. Военком так распорядился. У гроба стояли офицеры комиссариата и хмурый Саня. «Жаль, ордена в военкомате останутся, — досадовал он. — Вот упрямый старик. Так и не сказал, где награды прятал. За них в Китае я приличные деньги выручил бы». Военный оркестр играл «Прощание славянки».

И зажил брокер с Зиной припеваючи в новой квартире. С ванной, с тёплым туалетом, с отоплением, с газом. Красота!

Через год задумал Саня купить крупную партию мяса. Взял большой кредит под залог квартиры и машины. Рассчитал: продам дармовой товар, расплачусь с банком и в прибыли останусь — дело верное. Зиной поставщики прислали несколько фур дешёвой замороженной свинины. На таможне груз арестовали: мясо оказалось просроченным. Квартира и машина отошли банку за долги, а Санину фирму объявили банкротом.

— Бог не Микитка — на пороге не стоит, а всё видит, — говорили одни соседи.

— Как пришло, так и ушло, — подытожили другие.